

УДК 908

СТАНОВЛЕНИЕ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ

Шабасова Марина Алексеевна,
кандидат исторических наук, преподаватель
Белорусский государственный университет
Республика Беларусь, г. Минск
E-mail: m_shabasova@mail.ru

Меньковский Вячеслав Иванович,
доктор исторических наук, профессор
Белорусский государственный университет
Республика Беларусь, г. Минск
E-mail: menkovski@bsu.by

Распад Советского Союза вызвал кризис советологии, дисциплины, занимавшейся исследованием стран коммунистического блока. Для изучения процессов 1990-х гг. в «посткоммунистических странах» в целом, и России в частности, стал широко применяться компаративный анализ, продолжающий служить теоретической основой англо-американских исследований изучения истории «переходного периода».

Ключевые слова: англо-американская историография, Советский Союз, Россия, советология, транзитология, компаративный анализ.

Кризис классической советологии. Споры о будущем дисциплины. Распад Советского Союза вызвал кризис советологии, дисциплины, занимавшейся исследованием стран коммунистического блока. После исчезновения СССР как стратегического противника Запада встал вопрос о целесообразности продолжения масштабного изучения региона. В англо-американской академической среде развернулись дискуссии о дальнейшей судьбе советологии. Одновременно начался процесс становления современного руссиеведения, его вживание в научную и образовательную системы западных стран.

Дебаты о соответствии советологии критериям научности проходили в категориях обвинения и оправдания. Причиной вынесения на обсуждение вопроса о состоятельности дисциплины стала неспособность советологов предсказать распад СССР, из чего следовало предположение о недопонимании ими природы советской системы и направленности ее развития. Критика касалась как тоталитарной школы, доминировавшей в «советских исследованиях» в 1950–1960-е гг., так и ревизио-

нистского подхода, пришедшего на смену тоталитарной парадигме в 1970-е гг.

Тоталитарная модель критиковались за акцентирование внимания исключительно на проблемах государства и политического режима, отрицание возможности плюрализма в партийном аппарате и игнорирование проблем общества. Еще в 1985 г. С. Коэн писал: «Вообразив советскую историю лишенной противостоящих друг другу традиций и альтернатив, советскую политическую жизнь свободной от воздействия социальных факторов, а «монолитный режим» не знающим каких-либо значимых внутренних конфликтов, советология осталась со статичной концепцией застывшей системы» [1].

Представители ревизионистского направления сместили акценты с изучения политического режима на проблемы общества и уделяли наибольшее внимание таким вопросам, как национализм, русификация, взаимоотношения элиты и масс, рост бюрократизации [2]. М. Малия в 1989 г. в статье, вышедшей под псевдонимом «Z» и в силу этого известной как статья «Z», писал, что «начиная с середины 1960-х гг. сменяющие друг друга поколения ревизионистов стремились переставить свойственное для тоталитарной модели ударение на идеологию и политику, на общество и экономику, перейти от «режимных исследований» к «социальным исследованиям» и заменить «историю сверху» на «историю снизу» [3]. Ревизионисты были настроены по отношению к СССР намного доброжелательнее, чем последователи тоталитарной модели. Посталалинский Советский Союз рассматривался ими как продукт эксперимента, в результате которого общество приобрело черты, присущие обществам Западной Европы и Северной Америки, и усилило давление на режим для переделывания его политического устройства в своих интересах.

В 1980-е гг. большинство советологов с оптимизмом смотрело на перспективы Советского Союза: советская система представлялась реформируемой и способной двигаться путем модернизации. Ярким примером такого видения будущего СССР стали взгляды Дж. Хафа, заявлявшего в 1991 г., что позиции советского лидера кажутся исключительно прочными, республики, несмотря на происходившие там волнения, останутся частью Союза, реформы в экономике имеют шансы на успех, а КПСС способна сохранить доминирующее положение в стране, став неким подобием мексиканской Институционально-революционной партии или японской Либерально-демократической партии [4].

Одним из наиболее последовательных критиков ревизионистского направления являлся М. Малия. Ученый утверждал, что «на протяжении двадцати с лишним лет западная советология в основном концентрировалась на таких источниках советской «стабильности», как «зре-

лое индустриальное общество», обладающее потенциалом «развития плюрализма»...Вместо того, чтобы рассматривать советское руководство в соответствии с его идеологическими утверждениями о «построении социализма», западная советология по большей части применяла к советской реальности категории социальных наук, разработанные на основе изучения западных реалий, итогом чего стало то, что экстраординарный, поистине сюрреалистический советский опыт стал представляться банальным до тривиальности». М. Малиа также отмечал, что для ревизионистов было свойственно рассматривать советскую историю через призму модернизации, полагая, что урбанизация и всеобщее образование в конце концов приведут к тем же результатам, что и на Западе [3].

В другой, получившей широкую известность статье «Из-под глыб, но что?» автор, подчеркивая, что советология, по сути, является синтезом исследований в области экономики, политологии, социологии и истории советской системы, проанализировал недостатки каждой из четырех составляющих.

По мнению М. Малиа, плановая экономика Советского Союза, изучавшаяся с помощью методов и теорий, разработанных для рыночной экономики, неизменно получала более высокие оценки, чем она того заслуживала.

Перенос западных теорий и представлений на советскую действительность сказался и на политологических исследованиях, где наиболее частыми характеристиками Советского Союза стали такие понятия, как «развитие», «авторитаризм» и «плюрализм». Сторонники такого подхода к изучению СССР верили, что построение социализма являлось всего лишь вывеской, за которой стояли банальные цели экономического развития. Что же касается политического устройства страны, то, как утверждали ревизионисты, сталинский тоталитаризм при последовательных «великого вождя» сменился обычным авторитаризмом, а советская система управления вполне могла бы называться «институциональным плюрализмом», так как казалось, что различные учреждения и местные органы власти пользовались достаточной автономией от центра.

Ученые-социологии считали, что советская система хорошо «работала» потому, что была подлинно социальной системой, где инициативы исходили «снизу вверх». Стремление увидеть в Советском Союзе государство, имевшее сходство с западными образцами, сопровождалось попытками реабилитировать советскую историю, а именно создать положительный образ Октябрьской революции, НЭПа и даже сталинского режима [5].

Таким образом, критике и пересмотру подлежали все научные разработки советологов. Раздававшиеся в защиту советологии голоса не

могли изменить общего впечатления о кризисе советологии и ее критическое восприятие самими советологами [6].

Большая часть экспертов сходилась во мнении относительно причин, приведших к неспособности советологов предложить жизнеспособные концепции и должным образом ориентироваться в сложившейся к концу 1980-х гг. ситуации. Хотя список мог варьироваться и быть немного длиннее или короче, есть основания говорить о ряде наиболее часто упоминавшихся факторов, повлиявших на методологическую и теоретическую несостоятельность советологии. Достаточно полно они были суммированы П. Рутландом, полагавшим, что:

– академическая объективность страдала из-за политических пристрастий советологов, которые относились к Советскому Союзу или чересчур доброжелательно, или чересчур враждебно, в зависимости от того, придерживались ли они правых или левых взглядов;

– из-за обособленности от других общественных дисциплин «советские исследования» оставались весьма слабыми в методологическом отношении;

– советологам не хватало хорошего знания языков и истории региона, особенно его нерусской части;

– те, кто пытался вести исследования в самом СССР, сталкивались с непреодолимыми препятствиями: ненадежной информацией или полным отсутствием данных, закрытым доступом к важным материалам, преднамеренным искажением фактов со стороны советских чиновников и ученых;

– ведущие специалисты в области советологии были склонны выступать в роли пророков или экспертов на телевидении, а не заниматься академическими исследованиями, работая с эмпирическими данными;

– в силу профессиональной, личной или политической конкуренции большинство ученых-эмигрантов осталось «за бортом» советологии, утратившей, таким образом, возможность обогатиться за счет знаний непосредственных свидетелей советской действительности;

– финансовая зависимость от правительства позволяла разведывательным и военным ведомствам вмешиваться в академические исследования [7].

В 1990-е гг. встал вопрос о продолжении существования советологии. Часть исследователей полагала, что советология исчезла вместе с СССР. А. Ноув писал: «Невозможно быть советологами при отсутствии Советского Союза. Невозможно заниматься сравнением двух систем, если одна из этих систем исчезла». С. Хансон, рассматривая советологию применительно к современным исследованиям, полагал, что она перестала быть отдельной дисциплиной, а постсоветология влилась в основной поток политологии [8]. У. Лакер красноречиво назвал свою статью,

подводившую итог «советским исследованиям», «надгробной речью над почившей в бозе советологией» [9].

Под вопросом оказалась адекватность дальнейшего использования термина «советология». Высказывались предложения сохранить название «советология» для изучения Советского Союза, сделав ее тем самым исторической дисциплиной. М. Буравой писал, что «советология по определению имеет дело с Советским Союзом и обусловлена его уникальностью, его формальными характеристиками. Их исчезновение означает, что советология в самом деле может только изучать прошлое» [10]. Однако консенсуса об адекватности использования термина применительно хотя бы к исследованиям Советского Союза так и не был достигнуто.

В современном российском политическом дискурсе понятие «советология» приобрело политизированное значение и используется для обозначения дисциплины, обслуживающей нужды правительств западных стран и враждебно настроенной по отношению к России. К примеру, В.В. Путин, выступая в Колумбийском университете 26 сентября 2003 г., призвал упразднить советологию, имея в виду науку, служившую «инструментом, чтобы нанести друг другу как можно больше ударов, уколов и всяческого вреда» [11]. Д.А. Медведев в октябре 2008 г. на проходившей во французском городе Эвиане международной конференции заявил, что «советология, как паранойя, – очень опасная болезнь» и «жаль, что ею по сей день страдает часть администрации США» [12].

Сегодня понятие «советология» по отношению к исследованиям современной России и других посткоммунистических стран не применяется. Если говорить об академических дефинициях дисциплины, то здесь не наблюдается единодушия. Ни одно из словосочетаний «российские исследования», «российские и восточноевропейские исследования», «евразийские исследования», «славянские исследования», «посткоммунистические исследования» не является зафиксированным названием исследований региона. Не получил распространения и термин «постсоветология», употреблявшийся преимущественно в дискуссиях о советологии и ее будущем и указывавший исключительно на временную преемственность. Однако если в начале десятилетия проблема поиска подходящего обозначения имела некую остроту, то к концу 1990-х гг. плюрализм в названиях стал приниматься как должное.

Реорганизация инфраструктуры «российских и восточнославянских» исследований. В начале 1990-х гг. в инфраструктуре «российских и восточнославянских исследований» произошли изменения, связанные с финансовым положением научных центров и с организацией их деятельности. Окончание «холодной войны» делало дальнейшие крупные затраты на изучение региона нецелесообразными.

По результатам опроса, проведенного в 2000 г. Международной организацией научных исследований и обменов, 73 % «советологов» отметили, что за последние пять лет условия для проведения исследований в Восточной Европе стали более открытыми и благоприятными, но в то же время 82 % опрошенных считали, что найти финансовую поддержку стало труднее [13]. М. Хаген отмечал значительное снижение доходов европейских и американских историков, занимающихся Россией. Согласно «Хроникам высшего образования» заработная плата университетских профессоров-историков за последние два десятилетия упала с «немного выше средней» до «значительно ниже средней» [14]. Между тем, справедливости ради нужно отметить, что «российские и восточно-европейские исследования» не были брошены на произвол судьбы. Они по-прежнему дотировались различными фондами. Дж. Бреслауэр и В. Боннелл отмечали, что министерство образования Соединенных Штатов и после распада СССР продолжает поддерживать организации, занимающиеся исследованиями региона [15].

Исследовательские центры столкнулись и с достаточно серьезной реструктуризацией. Это было связано с распадом некогда гомогенного коммунистического пространства на ряд регионов с разными траекториями развития. Сразу обозначились различия в путях развития постсоветского пространства и бывших сателлитов Советского Союза. При более пристальном рассмотрении можно было выделить прибалтийские республики, Кавказ, Центральную Азию, постсоветские славянские государства – Россию, Украину и Беларусь, государства Вышеградской четверки, страны Юго-Восточной Европы – Болгарию, Румынию и бывшую Югославию, за исключением Хорватии и Словении, которые по направленности и результатам своего развития смыкаются с Вышеградской группой.

Налицо было исчезновение нивелирующего национальные особенности влияния коммунистической власти. Былой русоцентризм научной деятельности подлежал немедленной корректировке. Изучение посткоммунистического пространства требовало более дифференцированного подхода, что наиболее ярко проявилось в тенденции разделять исследования постсоветских республик и посткоммунистических государств Восточной Европы. В связи с «возвращением» последних в Европу их изучение предлагалось вести совместно с другими европейскими странами. Стали появляться программы, нацеленные на исследования стран Балтии, Центральной Азии, Кавказа. В качестве примеров можно привести создание при университете Глазго Отдела исследований стран Балтии, появление программы балтийских исследований в Вашингтонском университете при поддержке Эллисон центра российских, восточноевропейских и центральноазиатских исследований, программы по изучению Центральной Азии и Кавказа в Гарвардском уни-

верситете на базе Девис центра российских и евразийских исследований. Этот перечень легко может быть продолжен.

Таким образом, в отношении инфраструктуры, обеспечивающей исследования России и всего посткоммунистического пространства, можно отметить, что, с одной стороны, уменьшение спроса на исследования региона и соответствующее сокращение финансирования сделали проблематичным осуществление научных проектов, для реализации которых были сняты политические барьеры. В то же время созданная в годы «холодной войны» инфраструктура, подвергшись незначительным изменениям, доказала свою жизнеспособность. Более того, в 1990–2000-е гг. продолжали появляться новые исследовательские центры.

Компаративные исследования посткоммунистического пространства. В начале 1990-х гг. распад конкурирующей идеологической системы породил у англо-американских исследователей веру в единственно правильный путь развития, выраженный идеологией неолиберализма, и ожидалось, что после десятилетий бесплодных блужданий посткоммунистические государства вернутся на магистральный путь прогресса. Предположение о схожести хода и результатов развития вместе с широко декларируемой несостоятельностью классической советологии стали причинами повышенного интереса к региону со стороны ученых и экспертов, ранее специализировавшихся на «новых демократиях», находившихся в других частях света. Проходившие в 1990-х гг. в России процессы обычно описывались в таких категориях, как «трансформация», «переход» и «демократизация».

Поскольку в 1990-е гг. среди западных специалистов было широко распространено мнение, что Россия и другие посткоммунистические государства пойдут по пути, проложенному демократизировавшимися странами Южной Европы и Латинской Америки, то часто трансформация приравнивалась к «демократизации», а под «переходом» понимался «демократический переход», т.е. «переход» от авторитаризма (тоталитаризма) к демократии. К концу 1990-х гг., когда несоответствие многих посткоммунистических режимов демократическим стандартам стало очевидным, «трансформация», «демократизация» и «переход» стали пониматься как лишь частично пересекающиеся понятия.

Отношение ученых к пределам сравнимости было кардинально разным. Т.Л. Карл и Ф. Шмиттер полагали, что отказ от полномасштабного компаративного анализа повлечет за собой такие негативные последствия, как потерю связи со специалистами из Восточной Европы и бывшего Советского Союза, непонимание протекающих в регионе процессов и утрату возможности развивать теоретические знания [16]. В. Банс, в свою очередь, считала, что внутрорегиональные исследования сочетали преимущества сравнительного анализа и работы с хорошим фактическим материалом и точными категориями [17].

В 1990-е гг. транзитологии приписывалась роль «гегемона» в исследованиях демократических «переходов». При ближайшем рассмотрении такое утверждение кажется не совсем обоснованным. Говоря о «российских и восточноевропейских исследованиях» 1990-х гг., многие выделяли транзитологию как доминировавшую научную парадигму при изучении региона, однако следует различать транзитологию как строго научный подход со своим набором методов и как мировоззренческий базис социальных дисциплин, оказывавший влияние на авторов, работавших в разных направлениях. Как писал Дж. Ганс-Морс, «некоторые критики однозначно рассматривают транзитологию как литературу, появившуюся вследствие исследования демократизирующихся режимов в Южной Европе и Латинской Америке... Другие же исследователи полагают, что транзитология... представляет собой не специфическую литературу, а, скорее, подход к изучению политических, экономических и социальных изменений, в рамках которого данные процессы концептуализируются как “переход” с заранее predetermined результатами» [18, Р. 322].

Теоретические основы транзитологии возникли задолго до начала демонтажа коммунизма в Европе. В 1970 г. была опубликована статья Д. Рустоу «Переходы» к демократии», где утверждалось, что демократия является результатом борьбы политических элит, завершившейся «хорошо обдуманное решение части политических лидеров принять существование многообразия в единстве и с этой целью институализировать некоторые решающие моменты в демократической процедуре» [19]. Единственным условием, необходимым для установления демократии, считалась неоспоримость государственных границ, так как конфликты и применение силы при их разрешении несовместимы с демократическими принципами.

Дальнейшее развитие подход, подчеркивавший значимость личного фактора, получил в середине 1980-х гг., когда Г. О’Доннелл и Ф. Шмиттер издали работу «Транзиты от авторитарного правления: предварительные выводы о неопределенных демократиях», ставшую классикой транзитологии. В работе уделялось особое внимание роли элит и описывался процесс успешного установления демократии в результате заключения пакта между центристами старого режима и умеренным крылом демократической оппозиции, что позволяло избежать напряжения в обществе и избавляло государство от революционных потрясений [20].

После демонтажа коммунистической системы и распада Советского Союза транзитологи, как и другие обществоведы, обратили внимание на страны посткоммунистического пространства. Однако возникает вопрос, являлась ли транзитология как научный подход теоретическим монополистом в области «российских и восточнославянских исследова-

ний» в 1990-е гг. Дж. Ганс-Морс провел анализ статей, посвященных трансформации политического режима в посткоммунистических государствах. Его выводы, основанные на изучении материалов, опубликованных в 1991–2003 гг., шли вразрез с общепризнанной точкой зрения. Из 131 статьи, относившейся к режимным изменениям, транзитологические методы дискутировались в 66, что составляло 50 % от общего объема изучаемых работ, и значительное число ученых, обсуждавших транзитологию, находили ее неприменимой или недостаточной для анализа основных проблем посткоммунизма. При ближайшем рассмотрении только в семи статьях напрямую использовался либо защищался транзитологический подход в «посткоммунистических исследованиях» или сравнивались посткоммунистические страны с Южной Европой, Латинской Америкой или другими демократиями «третьей волны» без существенных изменений в первоначальных положениях транзитологии [18, Р. 329–330].

Классическим примером использования методов транзитологии для Восточной Европы и постсоветских республик считается статья Р. Бовы «Политическая динамика посткоммунистического “перехода”: сравнительная перспектива». Автор обращал внимание на сравнимость нереволюционных «переходов», где элементы старого режима играли существенную роль в инициировании и определении направления политических изменений [21, Р. 116]. На его взгляд, быстрый рост авторитета М.С. Горбачева в первые годы его нахождения у власти, последующий провал центристских реформ, действия советского правительства после 1988 г. и неудача демократизации «сверху» могли быть в полной мере осознаны как закономерность только при сравнении с процессами трансформации в других частях света. Но, несмотря на манифестацию методов компаративистики и использование положений, проговоренных еще в труде Г. О’Доннела и Ф. Шмиттера, Р. Бова призывал сочетать достижения процедурного и структурного подходов, последний из которых предполагал внимание к экономическому развитию, характеру национальной политической культуры, степени национальной интеграции и особенностям классовой структуры страны. Он признавал разнообразие процессов демократизации и необходимость внимательного отношения к общему и различному в ходе режимной трансформации на посткоммунистическом пространстве и за его пределами [21, Р. 126, 117].

В 1990-е гг. появились исследования, ставшие яркими примерами использования универсалистского подхода. Огромное влияние на исследователей оказал С. Хантингтон с его идеей «третьей волны». Системные изменения в Восточной Европе он рассматривал в мировой перспективе и полагал, что демонтаж коммунизма в Восточной Европе и распад советской системы являлись частью мирового процесса демокра-

тизации, начавшегося с португальской революции гвоздик в 1974 г. и распространившегося затем на страны Латинской Америки [22].

Крупнейшей теоретической работой середины 1990-х гг., посвященной проблемам демократии и отчасти являвшейся дополнением к вышеупомянутому труду Г. О'Доннелла и Ф. Шмиттера, стала книга Х. Линца и А. Степана «Проблемы демократического транзита и консолидации: Южная Европа, Южная Америка и посткоммунистическая Европа». Авторы, рассмотрев три региона, где в последней четверти XX века возникли демократии, пришли к выводу, что государства Южной Европы можно считать консолидированными демократиями, страны Латинской Америки вступили в фазу консолидации, а вот посткоммунистическая Европа находится где-то посреди процесса демократического «перехода», представляя собой головоломку для исследователей. Хотя Х. Линц и А. Степан отвели достаточно скромное место России и другим постсоветским республикам, они тем не менее уделили внимание проблемам государственности в образовавшихся на месте Советского Союза государствах [23].

В конце 1990-х гг. транзитология была признана аналитической моделью «вчерашнего дня». Противоречия субдисциплины рассматривал Т. Каротерс, отмечавший несостоятельность положений транзитологов. К ним он причислял: 1) отношение к «переходу» как к движению к демократии; 2) строгое выделение этапов трансформации, в процессе которой страна должна была пройти через этап смягчения предшествующего режима, его распад и демократическую консолидацию, предполагавшую окончательное оформление демократических институтов и отлаживание демократических процедур; 3) повышенное внимание к выборам, которые якобы способствовали долгосрочному углублению демократического участия и ответственности; 4) оценку шансов на успешные преобразования в зависимости от действий или намерений политических элит без учета экономических, социальных и институциональных условий или исторического наследия; 5) акцентирование внимания на проблемах государственного строительства, являвшегося, по мнению транзитологов, одним из условий демократизации и проходившего в тесной взаимосвязи с ней [24].

К концу 1990-х гг. стало казаться, что внутрирегиональные исследования исчерпали себя, а само понятие «посткоммунизм» стало историей. Ч. Кинг назвал последней попыткой компаративного рассмотрения «переходных» посткоммунистических стран четырехтомное издание К. Давиша и Б. Пэррота «Демократизация и авторитаризм в посткоммунистических обществах», вышедшее в 1997 г. [25]. Дж. Рупник полагал, что спустя десять лет после крушения советской империи термин «посткоммунизм» стал неуместен, поскольку страны слишком разнились между собой и общее коммунистическое прошлое едва ли могло

помочь в том, чтобы объяснить столь разные пути, избранные посткоммунистическими государствами. На территории бывшего «соцлагеря» автор выделял три группы государств. Первая включала государства Вышеградской четверки, Балтии и Словению, т.е. страны, добившиеся наибольшего успеха в демократизации и построении рыночной экономики. Во вторую группу входили Балканские государства, столкнувшиеся с проблемой государственного и национального строительства и трудностями, связанными с коммунистическим наследством и экономической отсталостью. И, наконец, к третьей группе относилась Россия, находившаяся в поиске постимперской идентичности и балансирующая по краю экономического краха. Судьба других постсоветских республик тесно была связана с Россией, и в отдельную группу автором они не выделялись [26].

Можно выделить две основные причины постепенного исчезновения исследований посткоммунистического пространства как единого региона. Во-первых, в силу отдаления во времени объединяющее наследие коммунизма утратило былую актуальность, и другие факторы стали оказывать влияние на развитие Восточной Европы и постсоветской Азии. Во-вторых, дифференциация внутри посткоммунистического пространства по политическим и экономическим показателям и разность парадигм развития настолько усилились, что проведение параллелей стало едва ли уместным.

Таким образом, для изучения процессов 1990-х гг. в странах посткоммунистического пространства в целом, и России в частности, широко применялся компаративный анализ. Несмотря на то, что данные подходы критиковались самими же англо-американскими исследователями, именно они служили и продолжают служить теоретической основой для изучения истории «переходного периода».

Заключение. Англо-американские исследователи внесли значительный вклад в изучение новейшей истории России. Несмотря на то, что внутри самого англо-американского сообщества и за его пределами раздается критика в адрес ряда использованных исторических и политических концепций, звучат обвинения в схематичности интерпретации путей развития России, следует признать, что на сегодняшний день англо-американская наука является доминирующей в международном академическом сообществе.

Формально имея неограниченные возможности обмена мнениями с российскими учеными и инкорпорирования в свои работы их идей и мнений, западные исследователи на практике очень ограниченно используют этот потенциал. На сегодняшний день вряд ли можно говорить о двустороннем движении равной интенсивности. Анализ академических публикаций, посвященных посткоммунистической России, демонстрирует, что в принципиальных вопросах теории англо-

американские исследователи предпочитают опираться на своих коллег-соотечественников.

Примечания:

1. Cohen S. Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917. New York: Oxford University Press, 1985. P. 25.
2. Лаптева Е.В. Некоторые характерные тенденции в развитии американского россиеведения 90-х годов // Отечественная история. 2004. № 2. С. 159.
3. Malia M. To the Stalin Mausoleum // Daedalus [Electronic resource]. 1990. № 1. Mode of access: <http://faculty.goucher.edu/history231/Malia.htm>.
4. Лукин А.В. Англоязычная советология и общественные науки в России // США: экономика, политика, идеология. 1995. № 9. С. 50.
5. Малия, М. Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. 1997. № 5. С. 95–102.
6. Breslauer G.W. In Defense of Sovietology // Post-Soviet Affairs. 1992. № 3. P. 197–238.
7. Rutland P. Sovietology: Who Got It Right and Who Got It Wrong // Rethinking the Soviet Collapse: Sovietology, the Death of Communism and the New Russia / edited by Michael Cox. London, New York, 1998. P. 37.
8. Hanson S. Sovietology, Post-Sovietology, and the Study of Postcommunist Democratization // Demokratizatsiya. 2003. № 1. P. 145.
9. Лакер У. Надгробная речь над почившей в бозе советологией // Новое время. 1992. № 31. С. 18–19.
10. Buravoy M. From Sovietology to Comparative Political Economy // Beyond Soviet Studies / edited by Daniel Orlovsky. Washington, D. C., 1995. P. 78.
11. Путин призвал американцев забыть слово "советология" / Грани.ру [Электронный ресурс]. 26.09.2003. Режим доступа: <http://www.grani.ru/Politics/World/US/RF/m.44813.html>.
12. Дмитрий Медведев: Однополярный мир несостоятелен, советология – паранойя / Я 2020 [Электронный ресурс]. 08.10.2008. Режим доступа: <http://www.molgvardia.ru/nextday/2008/10/08/2097>.
13. What Scholars Think about Field Research Needs: A Survey of US Scholars. Mode of access: <http://www.irex.org/resources/survey.htm>
14. Hagen M. Reflections on Ben Eklof's "By a Different Yardstick" // Ab Imperio. 2008. № 3. P. 362.
15. Bonnel V.E. Soviet and Post-Soviet Area Studies / V.E. Bonnel, G.W. Breslauer // Institute of Slavic, East European, and Eurasian Studies. Berkeley Program in Soviet and Post-Soviet Studies (University of California, Berkeley) [Electronic resource]. 1998. Mode of access: http://repositories.cdlib.org/iseees/bps/1998_03-bonn.
16. Schmitter P. From an Iron Curtain to a Paper Curtain: Grounding Transitologists or Students of Postcommunism / P. Schmitter, T.L. Karl // Slavic Review. 1995. № 4. P. 967.
17. Bunce V. Paper Curtains and Paper Tigers / V. Bunce // Slavic Review. 1995. № 4. P. 981.
18. Gans-Morse J. Searching for Transitologists: Contemporary Theories of Post-Communist Transitions and the Myth of a Dominant Paradigm / J. Gans-Morse // Post-Soviet Affairs. 2004. № 4.
19. Rustow D. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // Comparative Politics. 1970. № 3. P. 357.
20. Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions About Uncertain Democracies / edited by G. O'Donnell, P.C. Schmitter, L. Whitehead. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.

21. *Vova R.* Political Dynamics of the Post-Communist Transition: A Comparative Perspective // *World Politics*. 1991. № 1.
22. Хантингтон С. Третья волна: демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003.
23. *Linz J.* Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe / J. Linz, A. Stepan. London: The Johns Hopkins University Press, 1996.
24. *Carothers T.* The End of Transition Paradigm // *Journal of Democracy*. 2002. № 1. P. 17.
25. *King C.* Post-Communism: Transition, Comparison, and the End of «Eastern Europe» // *World Politics*. 2000. № 1. P. 152; *Democratization and Authoritarianism in Postcommunist Societies* / edited by K. Davisha, B. Parrott. Cambridge, U.K.; New York, NY, USA: Cambridge University Press, 1997. 4 vols.
26. *Rupnik J.* Eastern Europe a Decade Later: The Postcommunist Divide // *Journal of Democracy*. 1999. № 1. P. 57–62.

UDC 908

BRITISH-AMERICAN STUDIES
OF POST-COMMUNIST RUSSIA

Marina A. Shabasova
PhD (History), lecturer
Belarusian State University
Republic of Belarus, Minsk
E-mail: m_shabasova@mail.ru

Vyacheslav I. Menjkovsky
Doctor of History, Professor
Belarusian State University
The Republic of Belarus, Minsk
E-mail: menkovski@bsu.by

The collapse of the Soviet Union caused a crisis of sovietology, discipline dedicated to the study of the Communist bloc countries. Comparative analysis, widely used for studying of 1990s in the 'post-Communist countries' as a whole and Russia in particular, is still used as a theoretical basis of British-American 'conversion time' studies.

Keywords: Anglo-American historiography, Soviet Union, Russia, sovietology, transitology, comparative analysis.